СВОБОДНОЕ СЛОВО

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССІИ.

Григорія де Воллана.

BERLIN.

C. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)

3. UNTER DEN LINDEN 3.

1881.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
23416-97

I.

Введеніе.

Curavi humanas actiones,
non ridere, non lugere, neque
detestari, sed intelligere.

Spinoza.

Событія не ждутъ. Исторія съ неумолимою логикою не даетъ намъ время опомниться, не даетъ срока на спокойное размышленіе. Но слышали-ли мы за все это время трезвое, спокойное мнѣніе, узнали-ли программу того, что необходимо сдѣлать въ эту трудную историческую минуту? Что слышали мы кромѣ фальши, лицемѣрія, жалкихъ словъ, разнаго рода причитываній, взаимныхъ обвиненій и самой наглой лжи? Мы не беремся говорить,— какъ многіе самозванцы это дѣлаютъ, — отъ имени русскаго народа, по той простой причинѣ, что мы его мнѣнія не знаемъ. Мы также не будемъ говорить отъ имени общества,

потому что оно еще не высказалось. Мы только скажемъ искренно наше собственное мнѣніе, безъ запальчивости отнесемся мы къ нашимъ партіямъ, разберемъ причины возникновенія и развитія революціонныхъ элементовъ въ русскомъ обществѣ. Заподазривать насъ въ солидарности съ людьми, которые, именуя себя лучшими людьми Россіи, избрали своимъ орудіемъ борьбы „кровь и желѣзо,“ можетъ только человѣкъ, не понимающій истиннаго патріотизма и истинной любви къ Россіи. Легче всего называть людей, для которыхъ динамитъ является послѣднимъ и самымъ убѣдительнымъ аргументомъ, извергами и злодѣями. Но не въ томъ дѣло, и обязанность русскаго гражданина заключается конечно не въ томъ, чтобы закрывать глаза предъ опасностью, грозящей Россіи. Кричать противъ того, который не бранится, а предлагаетъ только мѣры, значитъ доказать недомысліе и непониманіе того труднаго историческаго момента, который мы теперь переживаемъ. Брань и жалкія слова мало убѣдительны въ этомъ случаѣ. Пора тѣмъ, которые любятъ Россію, заговорить свободнымъ, искреннимъ, правдивымъ словомъ гражданина, откинувъ отъ себя рабскую манеру лицемѣрить, лгать и „кивать на Петра.“

Скажемъ откровенно, что власть и обще-

ство одинаково виноваты въ совершившемся событіи, и откажемся отъ нашего прошлаго, полнаго лжи и лицемѣрія. Сознáемся прямо и откровенно, что рабство не могло создать граждант, и что мы привикли прятать свои мысли, говорить обиняками, и что намъ и теперь будетъ очень трудно отказаться отъ этого мрачнаго наслѣдія прошлаго, отъ умственнаго маскарада, въ которомъ до сихъ поръ благодушно пребывали. Трудно стать вдругъ свободнымъ гражданиномъ. Но надо только попытаться, и тогда только мы достигнемъ полной свободы. Мы живемъ въ сложное и трудное время. У каждаго изъ насъ есть два правительства: Одно правительство раздаетъ мѣста, ордена, награды, аренды; другое—окружаетъ нравственнымъ ореоломъ избранную личность. Угодить тому и другому — вотъ сокровенная мысль каждаго русскаго, который, при безсиліи перваго, старается угодить общественному мнѣнію, т. е. второму правительству. Большинство конечно стремится къ тому, чтобы „невинность сохранить,“ обезпечить себя отъ всякихъ репрессалій и пріобрѣсти популярность среди общества. При этомъ могутъ процвѣтать только лицемѣріе, лакейство и низкопоклонство. Нравственная доблесть, смѣлое гражданское слово, являются

у насъ рѣдкостью. Вы всегда услышите единодушные крики: „впередъ!“ или „назадъ!“ Но вы рѣдко услышите единичный голосъ людей, идущихъ противъ теченія. У насъ мало характеровъ; образованію характеровъ помѣшала вся наша историческая жизнь. Мы всегда или либеральны или ретроградны, но при этомъ лакейскій либеральны, лакейскій ретроградны. Кто нибудь закричитъ „впередъ!“ или „назадъ!“ и какъ загнанное стадо мы всѣ бросаемся подъ палку. Каждое вѣяніе времени у насъ является всемогущимъ, всесильнымъ и давитъ и забрызгиваетъ грязью того дерзновеннаго, который осмѣлится имѣть свое собственное мнѣніе. Когда другіе народы открыто боролись за вѣру, за свободу, мы выдумали кукишъ въ карманѣ, эзоповскій языкъ, рабью манеру и закончили убійствомъ изъ-за угла. Кто виноватъ въ этомъ окончательномъ, позорномъ финалѣ цѣлаго періода рабства, произвола и деспотизма? Общество или власть? На это можетъ отвѣтить только исторія.

Мы начнемъ поэтому съ краткаго историческаго очерка и перейдемъ къ характеристикѣ нашихъ партій, къ разъясненію революціоннаго движенія. Въ нашемъ очеркѣ, который можетъ показаться краткимъ, неполнымъ, мы не будемъ льстить, заискивать. Мы скажемъ

безбоязненно и смѣло наше искреннее мнѣніе. Зачѣмъ, скажутъ намъ, выступать съ краткимъ, неполнымъ очеркомъ, когда можемъ писать цѣлую книгу. Мы на это возразимъ, что книга потребуетъ много времени, а событія не ждутъ. Въ то время, когда общество молчитъ, когда народъ, по выраженію Аксакова, недоумѣваетъ, мы слышимъ только мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и видимъ прокламаціи „Исполнительнаго Комитета,“ говорящаго отъ лица всей Россіи. Голоса трезво мыслящихъ людей мы еще не слышали. Пора понять, что ни Исполнительный Комитетъ, ни редакція Каткова, не представляютъ собою молчащую Россію. Обѣ редакціи совершенно неосновательно говорятъ отъ имени Россіи, которая не давала имъ на то уполномочія.

II.

Реакціонеры или прогрессисты?

Всѣмъ извѣстны заслуги славянофильства предъ Россіей. Ближайшее участіе славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, состоявшемъ въ прямой связи съ издавна существовавшей у нихъ программой, не подлежитъ сомнѣнію: они требовали освобожденія крестьянства съ землею. Въ восточномъ вопросѣ они стояли также за освобожденіе славянскихъ народовъ отъ ига мусульманъ. Славянофилы приняли такимъ образомъ въ поступательномъ движеніи Россіи весьма дѣятельное и полезное участіе. Почему-же ихъ теперь обвиняютъ въ желаніи поворотить назадъ? Не на недоразумѣніи-ли построены всѣ эти обвиненія? Въ то время, какъ западники искали своего идеала въ будущемъ, славянофилы обратили свои взоры на прошлое Россіи. Славянофильское ученіе похоже въ этомъ отношеніи на романтизмъ, возникнувшій въ запад-

ной Европѣ. Гнетъ, безначаліе, произволъ всякаго рода — сдѣлали то, что славянофилы подобно романтикамъ, обратили свои взоры на прошлое своей страны и въ этомъ прошломъ думали найти ту обѣтованную землю и тѣ начала, которыми можно уврачевать больное человѣчество. Историческая теорія ихъ, находящая, что въ до-Петровской Руси сосредоточивалось все хорошее, и что съ воцареніемъ Петра является насильственное начало, — не выдерживаетъ критики.

До-Петровская Русь не была похожа на ту идиллію, которую рисуютъ славянофилы. Насильственность, въ которой упрекаютъ Петра, была и прежде въ русской жизни. По словамъ самыхъ царей (Михаила Ѳедоровича) въ городахъ воеводы всякія дѣла дѣлаютъ не по указу и всякимъ людямъ *чинятъ насильства* и убытки всякія, и посулы и т. д. (Дитятинъ, Верховная власть въ Россіи, Русская Мысль 1881, IV.) Между тѣмъ въ отсутствіи насилія славянофилы полагали основу своего ученія. „Грустно подумать, говоритъ Хомяковъ о Петрѣ Великомъ, что тотъ, кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, не вспомнилъ въ то-же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь, только тамъ, гдѣ личная

свобода.“ Мы не будемъ говорить объ исторической подкладкѣ славянофильскаго ученія, потому что этотъ трудъ потребовалъ бы много времени, а для того, чтобъ опровергнуть историческую основу славянофильства, необходимо былобы написать цѣлую книгу. Мы только возьмемъ нравственную теорію славянофильства.

Въ противоположность правдѣ внѣшней, которая дается закономъ, славянофилы противопоставили принципы о правдѣ внутренней. „Законъ, говоритъ Константинъ Аксаковъ, не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобы поступки человѣка были согласны съ его совѣстью, чтобы поступки человѣка были таковые, а не другіе. Его цѣль—устроить такой порядокъ вещей, чтобы душа оказалась ненужною, чуждою, чтобы безъ нея были прекрасные люди, и общество благоденствовало. Налагаясь извнѣ, продолжаетъ онъ далѣе, всякая формула уничтожаетъ силу внутренняго убѣжденія. Никакой механизмъ никогда не замѣнитъ собою свободу творчества.“ Вопросъ значитъ сводится къ неисчерпаемому противорѣчію между нравственною силою и учрежденіями.

Славянофилы говорили, что учрежденія сами собою еще не произведутъ правды, но

слова — народу,

Знакомъ кавией.

И игомъ рабства клейменна,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

тизмомъ.

тарелку съ патокой."

остальное.“

свѣщенія знаходятъ.

оказать довѣріе народу.

ковку Петровскою культурой.

нитый восемьнадцатый вѣкъ.

привлекательнее не только от черныхъ волостей и селъ, но и отъ жителей городовъ.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВА ВЪ ТОМЪ, ЧТО ОНЪ НЕ ЗНАЕТЪ

а все еще мы сидим у моря и ждем погоды."

гадко, вяло и плачевно, а что всего хуже, — —
и плодотворная.“

На это Аксаковъ опять отсылаетъ своего

ть мѣстной камарильей и съ властью въ цен-

ними обстоятельствами, на сколько этотъ по-

рядокъ съ такою любовью говоритъ г. Аксa-

ну. Независимый голосъ не будетъ тогда
детъ изъ всего этого только лоскъ сугубая.

Живое общеніе царя съ народомъ — изло-

нечно то, что писалось въ это-же газетѣ о земствѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь яется. Въ этой-же самой газетѣ они гово- о государственномъ устройствѣ страны, не противъ этого возражения; мы напротивъ на-

ельства не подтверждается фактами; что

10.

Революційна партія.

громадное значеніе.

участвовать на трапезѣ жизни.

ному потрясенію и перевороту.

жили міру.

шихъ чувствъ!

мадное рабочее большинство.

Госуд. ростовский
орд. ... Ленина
им. В. И. ЛЕНИНА

стахъ.)

постоянной арміи.

во многихъ мѣстахъ).

ній и ассоціацій.

домовъ.

доходовъ и наслѣдствъ.

гарантіею.

виду русскаго соціализма.

общаго разрушенія.

всеобъемлющее разрушеніе.“

des bouleversements redoutables.

русская интеллигенція.

къ народу.

ской революціонной партіи.

мы хотимъ ее и произведемъ ее.

этими препятствіями."

бѣжавшемъ изъ Парижа?

ЛИЗМЪ.

волюціоннымъ фактомъ.

То есть — вы хотите полной анархіи, говорила!

ція этого обозрѣнія, — вотъ два магическихъ

НАШЕМЪ ЗНАМЕНИ И МЫ.

шенія. Развѣ эти господа на столько мало

обратить въ зло сугубое. Прежде чѣмъ ду-

мать о новыхъ идеальныхъ порядкахъ, надо

ведливости, добра и любви къ ближнему.

мы убьемъ весь физически, — т. е. мы по-

СТВЕННО НА НОВЫХЪ НАЧАЛАХЪ И НЕ СОВЛѢСТЪ

терѣ много дѣтскости.

удалъ себѣ.

самоуправленія и свободы.

мечту.

зультатовъ пропаганды.

русскаго народа.

IV.

Металлическія и водныя.

менно и несостоятельно.

это письмо.

ѣдутъ десятки и сотни милліоновъ."

Подпись: „Илья Черноземовъ."

мація. Я въ кратцѣ опишу.

Антонъ Баровъ.

кое преступление!

А теперь буду продолжать.

ника и государя нашего.

стителей.

отъ цѣлаго народа.

народа.

и. т. дальше.

воздуха — и на все это смотрели сквозь пальцы, о чем были предупреждены и уполномочены [illegible] *сия, не было исполнено его приказание.*

СПОДЬ, ВО ВСѢМЪ ЄСТЬ ТВОЯ СВЯТАЯ ВОЛЯ.

шая интересами. А для учителя народа

властямъ. А они мечтаютъ по себѣ и по

своимъ слезамъ о спасеніи души его, какъ

бленнаго своего помазанника.

тивъ правительства.

гiозные отрятъ имъ.

ніе и преступленіе заповѣдей.

не могутъ, какъ они поступаютъ.

V.

[illegible]

русскаго общества?

гнуты исторіею.

на одну біорократію?

умѣлой руки.

de toute une génération“.

вую, лучшую дорогу.

и исполнителями?"

вольство во всѣхъ видахъ.

не туда, куда слѣдуетъ.

него не зависитъ.

вопросами. Скажут ли это: какое-то это не-

Взяли какие-то колоссальные боши талан-
тов — и все таки много осталось их на
долю Наполеона.

[illegible]

и доведемъ страну до революціи.

Народъ не желаетъ революціи, — такъ [illegible]

[illegible]дъ также подверженъ кризисамъ. Въ на-

и выход.

[illegible]

такихъ плановъ, т. е. революціи, то сдѣ-

[illegible]

на Руси и всѣ они думаютъ.

меньше, и благодеяній больше.

на новую дорогу . . и все пришло въ дви-

и искренно на путь реформъ.

МЕЙ ВАЖНЫЙ ИЗЪ НИХЪ.

ственнаго характера.

ВЛАССЫ.

суда и о пересмотрѣ нашего законодательства.

5) Этому-же Собору предстоитъ обсужденіе бюджета. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду сокращеніе штатовъ и самую большую экономію въ народномъ хозяйствѣ. Нѣкоторыя министерства, какъ напримѣръ Министерство Государственныхъ Имуществъ, могутъ быть переданы въ вѣдѣніе Земскихъ управъ.

6) Повсемѣстное устройство народныхъ школъ. Школы-же высшаго образованія должны быть предоставлены частной иниціативѣ. Дѣло устройства народныхъ школъ, съ субсидіей отъ правительства, должно быть передано мѣстнымъ земскимъ управамъ.

7) Постановленія Собора получаютъ обязательную силу, какъ только они будутъ утверждены подписью государя. При этомъ надо надѣяться, что власть отнесется честно и искренно къ требованіямъ представителей народа и не будетъ своимъ вліяніемъ, происками, нерѣшительностью, идти противъ общественнаго теченія. Само собою разумѣется, что личность представителей должна быть неприкосновенна. Посягая на личность представителей правительство будетъ играть въ руку анархіи.

Всѣ эти вопросы потребуютъ немало времени и потому до разрѣшенія ихъ Земскій

Соборъ не долженъ быть распущенъ и долженъ возобновляться по третямъ новыми выборными.

Послѣднимъ вопросомъ Земскаго собора долженъ явиться вопросъ о выборныхъ правахъ. При этомъ долженъ быть принципъ отсутствія всякаго ценза и всеобщей подачи голосовъ въ виду того, что русская народная масса всегда консервативна и менѣе опозиціонна, чѣмъ интелигентное меньшинство.

Вопросовъ учредительныхъ не должно предлагать этому Земскому собору въ началѣ, а это слѣдуетъ сдѣлать только въ концѣ всей работы. Иначе, эти вопросы вмѣсто того, чтобъ привлечь вниманіе умственныхъ силъ на самую существенную работу, т. е. на выработку административныхъ, земскихъ и другихъ вопросовъ, отвлекутъ общество въ область общихъ идей и только создаютъ почву для разглагольствованій и ораторскихъ пріемовъ. Предъ такимъ собраніемъ власть должна выступить во всеоружіи разума и силы. Она должна выступить съ опредѣленной программой и сказать: вотъ, господа, потрудитесь для блага народа и общества, — и все, что вы постановите, будетъ имѣть законную силу. Только такая программа можетъ спасти Россію отъ переворотовъ и отъ катастрофъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ люди, которые не-

знакомы съ дѣломъ, но обладаютъ звонкой фразой и общими мѣстами, дѣлая одни голословные нападки на власть, постараются этимъ достигнуть популярности и вызвать еще большее броженіе въ обществѣ. Не звонкія фразы и не общія мѣста должны повести Россію на новый путь свободы и цивилизаціи, а только дѣло и заботы о бытѣ того народа, на которомъ основана вся русская держава. Занимаясь подробностями такого труднаго дѣла, какъ аграрное, финансовое и административное переустройство Россіи, общество сдѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ еслибъ оно, увлекшись ораторскими пріемами нѣкоторыхъ лицъ, прямо выступило въ безбрежное море идей и общихъ положеній. Умное правительство съумѣетъ найти въ средѣ Собора талантливыхъ, толковыхъ, знающихъ и дѣятельныхъ людей, которые являтся работниками на пользу народу. Тогда прекратятся сѣтованія на то, что въ Россіи людей нѣтъ. Людей будетъ больше, чѣмъ ожидаютъ, а работы хватитъ на цѣлое столѣтіе.

Многіе найдутъ наивнымъ, что мы обращались съ убѣжденіями къ революціонной партіи и просили ихъ прекратить свои опыты съ динамитомъ. Покажутся наивными и наши совѣты, обращенные къ правительству. И тѣ,

КнВ 7657... ИЗ-7679

и другія силы, скажутъ намъ нѣкоторые, дѣйствуютъ въ силу исторической необходимости, повинуясь какому-то слѣпому фатуму, и ведутъ Россію къ безднѣ. Но мы-бы не исполнили гражданскаго долга, если-бъ мы не подняли теперь нашъ голосъ и не предупредили объ опасности. Если событія должны совершиться рано или поздно, то у насъ будетъ по крайней мѣрѣ сознаніе исполненной нами обязанности. Не играть въ опозицію желаемъ мы; мы желаемъ только образумить слѣпыхъ исполнителей историческихъ судебъ и показать имъ, куда они ведутъ Россію. Въ этомъ очеркѣ я поставилъ себѣ задачей высказать все безъ утайки тономъ, полнымъ откровенности и спокойствія. Каждое искреннее слово имѣетъ значеніе только тогда, когда за словомъ стоитъ подпись человѣка. „Гдѣ рука, тамъ и голова," такъ говорили люди прежней Россіи, и они были правы. Живя въ Россіи, я считаю своимъ долгомъ не утаить своего мнѣнія и предстать предъ царемъ и предъ всѣмъ русскимъ обществомъ съ правдивымъ, свободнымъ и искреннимъ словомъ русскаго гражданина. Совершая только свой гражданскій долгъ, я руководствуюсь прекраснымъ девизомъ Лютера: „Hilf mir Gott, ich kann nicht anders."